

Яшин Валерий Васильевич родился 1 января 1945 г. в деревне Ново-Источное Кемеровской области. В 1962 г. окончил Озёрскую школу рабочей молодёжи, в 1968 г. – конструкторско-механический факультет МВТУ им. Баумана, в 1990-м – Ленинградскую Высшую партийную школу. В 1968–1974 гг. работал инженером, младшим научным сотрудником в научно-исследовательском институте транспортного машиностроения «ВНИИТрансмаш». С 1974 г. – на партийной работе. Работал вторым и первым секретарём Красносельского райкома КПСС Ленинграда, вторым секретарём Ленинградского обкома КПСС, избирался членом ЦК, Политбюро ЦК компартии Российской Федерации. С 1991 г. – на хозяйственной работе, с 2011 г. – пенсионер. Автор четырёх поэтических сборников и двух книг мемуаров «Страницы прошлого листая...» и «Тихая моя родина».

Приделав к удочкам катушки,
Вдоль бородастых топляков
На самодельные «вертушки»
Мы «драли» щук и судаков.

Или под пенья пташек звонких,
Забравшись в воду поутру,
Ловили на подёнку в гонку
Ельцов, плотву и густеру.

Ну а зимой, в морозец славный,
Не чуя пальцев и ушей,
Мы на песках под Ростиславлем
Таскали сотнями ершей.

Давно пора минула эта,
Тот детский и неповторимый рай...
Но каждый год, зимой иль летом
Я возвращаюсь в отчий край.

Спешу с друзьями пообщаться,
Забыв про печень и покой.
Но больше всех люблю встречаться
С моей желанною Окой!

Она как будто не стареет,
Хоть внешне вовсе уж не та,
Но как и раньше душу греет
Её простая красота.

Люблю под вечер, на закате
Смотреть, застыв средь ивняков,
Как на песчаном перекате
Бьёт жерех глупеньких мальков.

Или, любуясь лунным блеском,
Всю ночь сидеть у костерка
И слушать то, как рыбьим всплеском
Мне отзывается река.

Закрыв глаза, забыв про годы,
Замру в дурманящей тиши...
И потихонечку уходят
Тоска и боль с моей души.

Как жаль, что взрослые уж дети
От ив приокских далеки,
Что нет у них на этом свете,
Как у меня – своей Оки...

МОЕМУ ГОРОДУ

В этот город я приехал юным,
И за эти долгие года
Стал родным «оград узор чугунный»
И Исаакий, строгий как всегда.

Петербург, изыскано-печальный,
Был не раз поэтами воспет,
И ему творенья посвящали
Пушкин, Тютчев, Манделъштам и Фет.

Все они, того не зная сами,
По частичкам, много-много лет
Мастерски совместно написали
Стихотворный города портрет.

Он сработан задушевно, ярко.
Сшила годы творческая нить.
После них осмелился не всякий
Питерский этюдик сочинить.

Я решился. Просто чувство долга
Уж давно нависло надо мной.

К этим строчкам шёл я слишком долго,
Я ж приезжий, а не коренной.

Как сейчас, я помню день весенний,
Утренняя, ранняя пора,
Под Глиэра, по распределенью,
На «Стреле» я прибыл в град Петра.

До приезда не был здесь ни разу,
Но заочно знал и уважал,
Он меня признал тогда не сразу,
Долго на дистанции держал.

Да и я в свои не набивался,
Ни к чему процесс сближенья гнать,
Жил, как жил, работал и старался
Ленинград почувствовать, познать.

Я тогда, признаюсь всенародно,
Был, его увидев, удивлён:
Безусловно, он – из благородных,
Но пообносился слишком он.

Весь, как книга в старенькой обложке,
Чьи страницы начал я листать,
Понял быстро, пролистав немножко,
У него «особенная статья».

Из веков впитал свою степенность,
Гордость и достоинство своё,
Жителей своих интеллигентность,
Без апломба нрав и бытиё.

Чудны в нём дворцы, соборы, парки,
Их ваяли несколько веков
Росси, Монферран, Трезини, Парланд,
Воронихин, Стасов, Косяков.

Всех их перечислишь нынче разве?
От потомков честь и слава им.
Питер был красив, разнообразен,
Как укор строителям другим.

Тем, кто город мой в двадцатом веке,
Строили совсем не на века.
Имя им не Бенуа, не Фельтен,
Имя их – всего лишь «ДСК».

Так произошло ниспроверженье
Петербургских зодчих и умов.
И стоит тот Питер в окруженье
Ленинградских типовых домов.

Поясом широким, некрасивым
Обложили старый град окрест.
В них живёт приезжая «рабсила»
Из соседних областей и мест.

Сколько ж работающего народа
От земли мой город оторвал,
Их трудом на фабриках, заводах
Он свою «могучесть» создавал.

Вместе с ней менялась и фактура
Усреднённой городской души.
Новая, приезжая культура,
Стала петербургскую душисть.

Посмотрите нынче на газоны,
Где собак отхожие следы,
Шелухой заплёваны вагоны,
Мусор на природе, у воды.

Видно, Петербург интеллигентский
За себя бороться приустал,

ОКА

Июньский день, лежу на пляже,
Толкутся в небе облака,
А рядом мощно и вальяжно
Течёт красавица Ока.

Бежит она дорогой долгой,
Являя всем речную стать,
Спешит на юг, на встречу с Волгой,
Её частицей чтобы стать.

Я знаю, речки есть красивей,
Но здесь, в берёзовом краю,
Она, как часть моей России,
Течёт и через жизнь мою.

И нет её родней и краше;
Ведь в той поры далёкой дни
Была она своей для нашей
Послевоенной ребятни.

Рыбачить мы любили очень
И от надзора вдалеке
Дни напролёт и даже ночи
Мы проводили на Оке.

Стал заметно меньше европейским,
Ну, а русским – точно больше стал...

Вьётся жизнь спирально, круг за кругом,
Всё течёт, меняется, но всё ж
Снова наречённый Петербургом
На себя, былого – не похож.

Жаль всё это, только буду честен,
Об утратах искренне скорбя,
Говорю ему, хоть и не местный:
Город мой, как сын люблю тебя!

КОНЕВЕЦ

Над гладью Ладоги суровой,
И величавы, и просты,
Пронзив туманные покровы,
Встают злачённые кресты.

Шесть сотен лет назад, по ветру,
Сюда, качаясь на волнах,
Исполнить промысел заветный,
С горы Афон приплыл монах.

Создав на острове обитель,
В его земле обрёл покой
Духовный пастырь и строитель,
Арсений, старец коневской.

Киот в лампадном полумраке,
Скиты, Конь-камень и закут,
Да мощи старца в дивной раке
К себе паломников влекут.

От суеты и тягот бранных,
Телесных и душевных ран,
Плывут родимые смиренно
Молиться в монастырский храм.

Здесь просветление на лицах,
Все перед Богом как один:
И чин высокий из столицы,
И русский наш простолодин.

Для них всё нынче в Божьей власти.
Гордыню здесь свою смиря,
Идут на исповедь, к причастью,
К святым, что смотрят с алтаря.

Перед иконой замирают,
Прильнув к ней, шепчутся тайком,
А Божья мать им внимает,
И Бог-младенец с голубком.

Детишки рядом на молебнах
Себя как взрослые ведут,
Стоят пред ракой на коленях,
Степенно так кресты кладут.

Вот «Отче наш» выводит диакон,
«Иже еси на небеси»,
С ним о поддержке в горе всяком
Молит народ больной Руси...

Придёт тот час, и неизбежно
Нам всем воздастся по делам,
Но здесь и веру, и надежду
Несут с небес колокола.

И остров, северно красивый,
И монастырь старинный весь
Конечно ж, капелька России,
Но как-то благостнее здесь!

Я, поклонясь крестам и праху,
Молясь, обитель чтоб жила,
Прощаясь, юному монаху
Побольше счастья пожелал.

Перекрестив меня в дорогу,
Он, помолчав, ответил мне:
«Спасибо Вам, плывите с Богом,
Я счастлив здесь и так вполне!»

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Майский день, чуть ветреный, погожий,
Я плыву, как будто бы во сне.
В небесах ни облачка, но всё же
Падает на воду белый снег.

Из снежинок белых, настоящих
Кружится весенняя метель.
Ароматом нежным и пьянящим
Голову дурманит мне, как хмель.

Сыплет снег на лысую макушку,
Он кругом: на лодке, на руках,
И река, как будто бы в веснушках,
В белых одинаковых кружках.

То не сон, а просто ветер ранний
Разгулялся нынче у реки,
И черёмух гроздьями играя,
С них сорвал снежинки-лепестки.

Стихнет он – и прекратится чудо,
И пурга утихнет над рекой...
Только я надолго не забуду
Майский снег, ласкающий такой.

РУССКАЯ ГАРМОНЬ

Средь полей и раздолья берёз,
Духовитых гераней в окошках,
Я когда-то родился и рос
Под разливы соседской гармошки.

В ту пору, пересилив войну,
Стал народ отходить понемножку,
И терзали кругом тишину
Развесёлые звуки гармошки.

Потрудилась она на войне,
У костров, по землянкам, на море.
С нею радость – так радость вдвойне,
Ну а горе – всего лишь полгоря.

Для солдата гармошка была
Жизни той, довоенной, кусочек.
Пела им про «Катюшу» она,
И про «синенький скромный платочек».

Их мотив сразу за душу брал,
И бойцам прибавлялося силы...
Вспомни, как задушевно играл
На привале им Тёркин Василий.

Всех гармоней в России не счесть,
Всяких разных, забористых, громких:
Есть касимовки, ливенки есть,
С бубенцами саратовки, хромки.

Сколько людям дарили тепла,
Их мехами сокрытые планки.
Сам Есенин в охотку играл
Над Окою на звонкой тальянке.

Да и я, неумелым мальцом,
Кнопки белые пальцами тыкал,
На гармони, дарёной отцом,
Обучаясь, азартно «пиликал».

Повзрослев, разудалый такой,
На излёте далёкого детства,
Под гармошку над той же Окой
Песни пел, что дошли по наследству.

А ещё по соседским дворам,
День и ночь, по традициям здешним,
Я на свадьбах частенько играл
С выдающимся Витей Черешней.

Что его вытворяла гармонь:
Переборов ручьи, переливы...
Боже мой, как то было давно,
В старой жизни, для многих счастливой.

Жаль, сегодня гармонь не в чести,
На экранах всё драки и склоки.
А гармошку пытался спасти
Мне по духу родной Заволокин.

Он с двухрядкой Россию прошёл,
С ней забвеньё гармошки ломали,
И таких гармонистов нашёл,
Что игрою слезу выжимали.

Вряд ли нужно народу ярмо
Громозвучной, орущей чужбинки.
Верю, выживет наша гармонь
Средь народа в российской глубинке.

И надеждою тешу себя,
Что и внуки, и правнуки наши,
Всей душою Россию любя,
Под гармонь всё же «русского» спляшут.

МАТЕРИ

Вспоминая детство постоянно
И года, что ныне за спиной,
Вижу я тебя, родная мама,
Чувствую, что ты всегда со мной.

Помню дом родительский в Озёрах,
Где в углах – святые образа,
Занавески, скатерти в узорах
И твои счастливые глаза.

Ты всегда была приезду рада,
Свиделись почти что год спустя,
Сын родной, надежда и отрада,
Хоть и взрослый, для тебя – дитя.

Много лет я жил с тобой в разлуке,
Наезжая в гости иногда.
Помню, как натруженные руки
Мне казались нежными тогда!

Как умела быть предельно чуткой,
Каждым днём общенья дорожить,
Не присев в делах ни на минутку,
Мне во всём старалась услужить.

Ты гордилась мной, я это знаю:
Мол, «в чинах», успешен и удал...
Но тебе, прости, моя родная,
Я, как сын, вниманья не додал.

Жить хотел без твоего совета,
Позу всё познавшего храня...

Лишь теперь, в свои седые лета,
Понял, кем была ты для меня.

Каюсь я, но в той былой Отчизне,
Из своих начальственных верхов,
К своему стыду, тогда, при жизни,
Я тебе не написал стихов.

Сам себя укорам подвергая,
Я прошу: «Прости мои грехи»...
И с небес послушай, дорогая,
Эти запоздалые стихи...

МУЖИКИ

Мужчины иль женщины мы от природы,
Но в каждом – другой есть слегка.
Я жизнью научен за долгие годы
В мужчинах ценить Мужика.

Читатель! Не бойся ты этого слова,
Прочти аргументы мои:
Мужик настоящий – державы основа,
Опора российской семьи.

Мужик – тот, кто крепок и духом, и телом,
Кто в драке не бьёт слабаков,
Мужик – тот, кто мастер любимого дела,
Кто женщину чтит глубоко.

Мужик – это тот, кто товарищам верен,
Кто в деле не «кинет», не сдаст,
И слову которого можно вам верить,
Кто вас не продаст, не предаст.

Нам голову прятать в песок не пристало,
Хоть грустно, но вывод таков:
В России сегодня мужчин ведь немало,
Но мало, увы, Мужиков.

Жизнь нынче нас гнёт, не видать облегченья,
А власть всё сулит миражи,
Но всякий, кто сник, кто плывёт по теченью,
Тот, я Вам скажу – не Мужик!

Кто спец не решать, а лишь ставить вопросы,
Кто день на диване лежит,
В семье, может, он и мужская особь,
Но только никак не Мужик!

Кто в спорах и дрызгах по-бабьему мелок,
Кто подлость чинит Вам тайком,
Тот может считаться «крутым» иль умелым,
Но только не Мужиком!

И вот в дискотеках наследники наши
Бледны – как поганки в лесу:
Один напомажен, другой перекрашен,
И кольца – в сопливом носу.

Тощи, и от пива припухли печёнки,
Зато – в разноцветье портков.
Не даже мужчины, скорее – мужчонки,
Куда им до Мужиков!

Я всё же поплачусь, но самую малость,
Вопрос мой резонный таков:
Кто нам, пожилым, обеспечит же старость,
Коль мало в стране Мужиков?

* * *

Сам в меру порядочен, добр и отважен,
Не нужен ни понт мне, ни шик.
Но буду я рад, если кто-то мне скажет:
«Ты, Яшин, – нормальный мужик!»